

Олег Северюхин

Дервиш

Олег Васильевич Северюхин

Дервиш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060466

ISBN 9785447414511

Аннотация

Разведка была и остается самой древнейшей профессией на нашей Земле. Мы многое не знаем, о чем-то догадываемся, но иногда в нас просыпается генетическая память, открывающая страницы далекой истории, и мы оказываемся там, где делалась большая политика. Французский рыцарь, офицер корпуса пограничной стражи, казачий хорунжий и писарь иранского шаха, генетически связанные между собой, и их приключения при выполнении специальных заданий в интересах Российской империи.

Содержание

Глава 1. Попытка объяснения с недоверчивым читателем	5
Глава 2. С чего все началось	10
Глава 3. Выход в самостоятельную жизнь	14
Глава 4. Дуэль	18
Глава 5. Роковая любовь	22
Глава 6. На пороге тайны	26
Глава 7. Сон	28
Глава 8. Сладкий мираж	32
Глава 9. Сны кончаются	38
Глава 10. Ардебиль	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дервиш

Олег Северюхин

Фотограф Олег Васильевич Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

© Олег Васильевич Северюхин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-4474-1451-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь и удивительные приключения господина Северни-на. История неправдоподобная лишь только потому, что все написанное в ней – правда.

ДЕРВИШИ – (персидский язык, буквально – бедняк, нищий), мусульманские мистики в исламе, члены суфийского ордена или братства. Ордена Д. имеют свои уставы, духовную иерархию, обители (ханака, завия, такийе (текке), культ подвижников. Основу учения Д. составляет идея личного общения человека с богом путём мистического экстаза (от молчаливого созерцания и самоуглубления до общих молений вслух, сопровождаемых пением, музыкой, ритуальными танцами). Некоторые дервиши были странствующими нищими или учителями.

Глава 1. Попытка объяснения с недоверчивым читателем

– Ваше Высокопревосходительство, Отдельного корпуса пограничной стражи полковник Севернин представляется по случаю выхода в отставку, – я выпалил это одним махом и одновременно щелкнул каблуками щегольских сапог.

– Здравствуйте, Николай Иванович, прошу Вас садиться к столу. – Командир отдельного корпуса пограничной стражи генерал лейтенант Пыхачев Николай Аполлонович взял посетителя под руку и провел к огромному длинному столу с двумя рядами стульев по сторонам. – Признаться, меня озадачил Ваш рапорт об отставке. Что за возраст 55 лет? Молодой человек еще. – Генерал улыбнулся в роскошные седые усы. – Ваш опыт и знания настолько ценны для нас, что я Ваше прошение не подписал, а порекомендовал Вас на научную работу историографом корпуса пограничной стражи для обобщения эффективных методов охраны границ Российской империи. На завтра Вы записаны представляться Его императорскому Величеству. Что Вы скажете о причине выхода в отставку и как вы отнесетесь к возможному предложению пойти на преподавательскую работу в Николаевскую академию?

– Благодарю Вас, Ваше высокопревосходительство, за за-

боту, – сказал я, – но причиной отставки является и возраст, определенный для службы в офицерских чинах, и желание осмыслить прожитую мною жизнь. Мне кажется, что я уже прожил тысячу лет, а оставшееся время будет наполнено такими огромными потрясениями, что мне никогда не придется насладиться отдыхом отставной жизни и не увидеть в добром здравии мои добрых и преданных друзей.

– Полноте, Николай Иванович, откуда у Вас такие мрачные мысли, – добродушно сказал генерал. – Посмотрите в окно. На дворе 1913 год, Россия находится на пике экономического и политического могущества. Просвещенный Государь наш ценит своих подданных, он даже пошел на введение парламентаризма, вплотную подойдя к достижениям западных демократий. Россию ждет великолепное будущее, и мы с вами в двадцатом веке будем свидетелями событий мирового значения. Если бы заглянуть вперед лет так на десять, то мы увидели бы убеленного сединами генерала Севернина, члена Государственного Совета, решающего вместе с Государем вопросы насущного развития России.

– Ах, Николай Аполлонович, мы столько лет знакомы, и я не перестаю удивляться Вашему энтузиазму и молодой энергии, с которой Вы подходите ко всем делам, – с улыбкой сказал я. – Глядя на Вас, забываешь свой возраст и можешь сразу сесть в седло, выхватить шашку и закричать: «В атаку, вперед!» Большое спасибо за поддержку, Ваше Высочайшее превосходительство, я приму предложение о переходе на науч-

ную работу и прошу рапорту об отставке не давать хода.

– Вот и прекрасно, Николай Иванович, я буду рад служить дальше вместе с Вами. А осмыслить свою жизнь надо и написать о ней. Опыт Вашей работы имеет достаточно большое значение не только для корпуса погранстражи, но и для обеспечения безопасности государства в целом. Помнится, на одном из вечеров в офицерском собрании Вы рассказывали очень интересную притчу о женщине и сундуке. Не напомниме мне ее мне? – спросил генерал. – Кажется, что этот тот случай, когда и Вам ее надо вспомнить.

– Попробую вспомнить, Ваше Высокопревосходительство.

Один уважаемый человек возвратился домой раньше обычного. К нему подошел его преданный слуга и сказал:

– Ваша жена, моя госпожа, ведет себя подозрительно. Она находится сейчас в своей комнате. Там у нее огромный сундук, который достаточно велик, чтобы вместить человека. Я думаю, сейчас в нем есть что-то еще. Она не позволила мне, вашему старому слуге и советчику, заглянуть в него.

Хозяин вошел в комнату жены и нашел ее чем-то обеспокоенной, сидящей перед массивным деревянным сундуком.

– Не покажешь ли ты мне, что в этом сундуке? – спросил он.

– Это из-за подозрений слуги или потому, что вы мне не верите? – спросила жена. – Не проще ли будет взять да открыть сундук.

Жена показала мужу ключ от сундука и сказала:

– Прогоните слугу, и вы получите ключ от сундука.

Хозяин приказал слуге выйти, жена протянула ему ключ, а сама вышла из комнаты.

Долго размышлял муж, сидя перед сундуком. Затем он позвал слуг, они отнесли сундук в отдаленную часть сада и закопали, не открывая.

И с тех пор об этом ни слова.

– Вот-вот именно, уважаемый Николай Иванович. В самую точку. Ваша работа всегда была очень секретной, пусть останется в тайне то, что Вы делали, но как Вы это делали, описать надо, чтобы молодые офицеры учились на Вашем примере. А все-таки, муж был очень умный человек. И лицо сохранил, и честь жены, и примерно наказал и предупредил тех, кто мог запятнать его репутацию. Вот именно!

С этими словами командир Отдельного корпуса пограничной стражи встал, показывая, что аудиенция окончена, тепло попрощался со мной и проводил до дверей кабинета, как очень уважаемого человека, пусть даже в не очень высоких чинах.

Возвращаясь домой, я думал о том, что же я напишу, и поверят ли мне люди? Разве можно поверить человеку, заявляющему, что он живет почти тысячу лет? Ни один здравомыслящий человек в это не поверит. Даже я, скажи мне кто-то подобное, не поверю. Это невозможно теоретически. Если исходить из предположения, что нормальный срок жизни

человека составляет сто пятьдесят лет, то я вроде бы в шесть раз превысил срок, отведенный Богом для жизни человека. Но это так и я попытаюсь вас убедить в этом.

Глава 2. С чего все началось

Я всегда был не такой, как все. Мой отец, отставной гвардейский поручик, получил тяжелое ранение во время Крымской кампании и приехал в свое имение в сопровождении пленного французского лейтенанта месье Шарля.

Месье Шарль был недоучившимся студентом Сорбонского университета, репортером провинциальной газеты, начинающим поэтом и прозаиком, не получившим должной известности и поэтому пошедшим служить в экспедиционный корпус, отправляемый в Россию.

На поле брани лейтенант Шарль встретился с поручиком Северниным и в ходе сабельного поединка оба офицера получили довольно значительные ранения. Месье Шарлю пришлось выбирать: либо он тащит раненого поручика в расположение своих войск, становится героем, получает орден Почетного легиона, но раненый поручик умирает. Или он тащит поручика в расположение русских войск, становится пленным, но спасает жизнь поручика. Этим он обрекает себя на изгнание с Родины, которая и раньше не жаловала своего пасынка, лишив во время революции родителей и отдав на воспитание в приют военного типа. Терять месье Шарлю было нечего, и он на себе потащил истекающего кровью поручика Севернина в русский лагерь.

Поручик добился, чтобы койка лейтенанта Шарля стояла

рядом с его кроватью в лазарете, и чтобы к французскому офицеру относились со всем подобающим уважением к достойному противнику.

Месье Шарль вылечился раньше моего отца и добился разрешения сопровождать его в имение для поправки здоровья. К этому времени два офицера были достаточно дружны, чтобы дружбу их можно было назвать закадычною.

Когда родился я в 1858 году, месье Шарль жил в нашем имении на правах ближайшего родственника. Русским языком он овладел в превосходной степени и совершенно не стремился побывать во Франции, у которой отношения с Россией складывались не вполне дружественно.

Как-то так получилось, что месье Шарль стал моим воспитателем, получая за эту работу очень достаточное вознаграждение, от которого он долго отказывался, но был вынужден уступить настояниям моих родителей.

Мой воспитатель Шарль был настоящим полиглотом. С его помощью я в совершенстве овладел французским и арабским языками, которые выучил играючи. Месье Шарль постоянно высказывал удивление моим способностям, а более обстоятельный разговор по этому поводу у нас состоялся позднее.

– Николя, – говорил он, – ваши способности к иностранным языкам меня удивляют. Мне надо обдумать это.

Я даже не представлял, до чего мог додуматься этот милый человек, дававший мне уроки поэзии и мужества.

Я до сих пор помню строки французского поэта Делиля в подлиннике и в переводе господина Межакова:

*Jaloux de tout connaitre, un jeune amant des arts,
L'amour de ses parents, l'espoir de la peinture,
Brulait de visiter cette demeure obscure,
De notre antique foi venerable berceau.
Un fil dans une main, et dans autre un flambeau,
Il entre, il se confie a ces voutes nombreuses,
Qui croisent en tous sens leur routes tenebreuses.
Il aime a voir ce lieu, sa triste majeste,
Ce palais de la nuit, cette sombre cite,
Ces temples ou le Christ vit ses premiers fideles,
Et de grands tombeaux les ombres eternelles.*

*Художеств юный друг, что все познать стремился,
Что всю родителей надежду составлял,
И живопись своим искусством удивлял,
Сгорал желанием зреть мрачные пещеры,
Где колыбель была святыя нашей Веры.
В жилище ужаса дерзает он вступить,
Подходит под сии неисчислимы своды,
Где пресекаются повсюду мрачны ходы,
Взирает с жадностью на страшные места,
Где вечный свой престол воздвигла темнота
На храмы христиан, на древние их гробы.*

Месье Шарль учил меня фехтованию на рапирах. С отцом мы фехтовали на дворянских шпагах, получая со стороны

замечания месье Шарля.

С детства я умел скакать на лошади, преодолевать препятствия, не боясь упасть на землю. Страх был не таким сильным, как ироническая улыбка месье Шарля.

Перед отъездом в кадетский корпус месье Шарль сказал мне:

– Николя, мне кажется, что Вы очень необычный человек. Ваши способности обусловлены памятью предыдущих поколений, как будто Вы уже прожили несколько жизней. Для Вас это пока непонятно, но, когда вам будет казаться, что Вы уже были в каком-то месте или знаете каких-то людей, то доверьтесь собственным чувствам и поверьте в то, что Вы уже проживали эту жизнь.

Конечно, я ничего не понял из того, что говорил месье Шарль, но с достоинством кивнул головой в знак согласия с его словами.

Глава 3. Выход в самостоятельную жизнь

В Сибирском кадетском корпусе я закончил формирование себя. Я был в первой десятке учеников и по моему желанию был выпущен подпоручиком в Туркестан, в отдельный корпус пограничной стражи.

Я вел жизнь аскета, являясь примером в службе и поведении, занимаясь изучением фарси и местных обычаев. Чтобы вести такую жизнь, мне приходилось редко появляться в шумных офицерских компаниях и не заводить ни с кем приятельских отношений.

Мне приходилось напускать на себя холодность, чтобы волевым усилием скрыть мою пылкую натуру. Иногда в воле открывалась небольшая щелочка, и тогда моя натура становилась настолько светской, что все уже забывали о том, что еще совсем недавно она говорила, что черное это черное, а не серое, как уверяли все окружающие.

Последняя стычка с афганскими контрабандистами утвердила мой авторитет в офицерском собрании, а орден Святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени с мечами и бантом на шаг продвинул меня в офицерской карьере.

Через три года уже поручиком я поступил в Николаевскую

военную академию и по ее окончании вновь вернулся в корпус пограничной стражи помощником начальника штаба пограничного полка, расквартированного в губернском городе N.

Штабс-капитан с академическим значком был завидной партией. Полковые и губернские дамы томно вздыхали при встрече, находя меня похожим на Печорина или Чайльд-Гарольда, и искали поблизости Бэлу, которая могла бы меня увлечь.

А на прошлом литературном вечере в дворянском собрании произошел невероятный конфуз.

Свои произведения представили два молодых писателя и известная своим поэтическим даром сестра надворного советника Найденова – Наталья Петровна, считавшаяся первой красавицей в губернии, в чем ежедневно и ежечасно уверяли ее пылкие поклонники.

Стихи были нежные и посвящены сбежавшему любимому коту. Стихи очень простые, запомнить их невозможно, потому что каждый человек говорит почти такие же слова своему любимому котейке:

*милый мой котик
белый пушистый животик
лапки пушистые мягкие
будишь меня по утрам
ласково жмешься к ногам
я по тебе так скучаю*

*где ты сейчас, я не знаю
жду тебя денно и ночью
снишься ты мне темной ночью
когти твои золотые
глазки твои голубые
жду тебя милого друга
твоя навсегда подруга
приходи так тебя жду
ночью одна я не сплю*

Стихотворение читалось речитативом с нежным придыханием и получило бурные аплодисменты собравшихся ценителей искусства.

Дамы бальзаковского возраста утирали слезы крохотными батистовыми платочками, подозревая, что одним котяткой здесь дело не обошлось. Молодые девицы, не стесняясь, плакали крупными слезами. Офицеры гарнизона целовали поэтессе руки, а более ловкие ухитрялись поцеловать и податливые пальчики. Поэтические натуры наперебой говорили, что госпожа надворная советница встала в один ряд с Пушкиным и Байроном, совершив переворот в мировой поэзии.

По неизвестной причине все присутствующие на литературном вечере почти одновременно обратили внимание на то, что я не участвовал во всеобщем ликовании. Я задумчиво сидел на последнем стуле, опершись на эфес шашки руками и положив на них подбородок. Каким-то образом в губернию поступали золотые изделия и английская ману-

фактура. О золоте особых беспокойств не было. Чем больше золота войдет в государство, тем богаче оно становится, лишь бы это золото не вывозили без разрешения и без уплаты пошлин. Это забота таможи. Но мануфактура подрывала российское производство. И где-то группы контрабандистов проходят, минуя пограничные дозоры. Но где?

Заметив общее внимание к себе, я встал, отвесил общий поклон, негромко звякнув серебряными шпорами, повернулся и пошел к выходу.

– Господин капитан, а вам стихи не понравились? – кокетливо спросила Наталья Петровна.

– Мадам, это не стихи, а причитания по случаю кончины вашего кота, – довольно бестактно ответил я, жестоко ревнуя к окружающим ее молодым людям.

– Мой кот, слава Богу, не умер, он жив, здоров, только где-то гуляет, – парировала поэтесса.

– Что ж, у вас есть возможность выйти на улицу и позвать его, а если он не откликнется, то завести себе нового, – сказал я и вышел.

Глава 4. Дуэль

На следующий день губернский город был взбудоражен известием о том, что надворный советник Найденов Николай Петрович, чиновник VII класса, вызвал на дуэль штабс-капитана Севернина за оскорбление им Натальи Петровны на поэтическом вечере. Дуэль назначена на пять часов утра. Кто вызвался быть секундантом, сохранялось в глубокой тайне, чтобы не навлечь на секундантов наказания за участие в дуэли.

Эта новость крутилась во всех гостиных, обсуждалась в городском парке, каждый старался припомнить что-то известное о дуэлянтах. Николай Петрович, добрейшей души человек, в армии никогда не служивший, был правой рукой вице-губернатора по гражданским делам и имел большую известность в губернии.

Пограничный штабс-капитан Севернин за свою внешнюю холодность, независимость и недурное лицо, пересеченное тонким шрамом, всеми считался губителем женских сердец и, естественно, бретером, признавая шансы Николая Петровича на победу в дуэли ничтожными.

Многие уже видели Наталью Петровну в черных траурных одеждах и жалели это невинное создание, пострадавшее от руки нового Мефистофеля, которому никто больше не подаст руки и не примет в своем доме, разве что тайно от всех.

Но больше всех страдала Наталья Петровна. Уязвленное самолюбие и невнимание Севернина вызывали такую ненависть к этому человеку, что она была готова казнить его всеми известными способами, а потом лежать и плакать на его могиле, проклиная всеми проклятиями, которые только можно придумать, чтобы не дать ему забыть ее, чье сердце он разбил своей холодностью и невниманием.

Ранним утром она валялась в ногах Николая Петровича, пытаясь отговорить его от участия в дуэли, но он был человек чести и не мог не поехать. Кроме того, он вызывал на дуэль, и к месту дуэли должен приехать первым. Подняв с колен безутешную женщину, он нежно поцеловал ее, сказал: «Прощай, Наташа» и вышел на улицу к поджидавшей его пролетке.

Весь город затаенно ждал известий. В девять часов не было никаких известий. В двенадцать тоже. Не было на службе ни Найденова, ни Севернина. В больницу не поступало известий о раненных и убитых. Город терялся в догадках.

А мы вовремя встретились на месте дуэли. Я подошел к Николаю Петровичу и громко заявил, что раскаиваюсь в своем несносном поведении, готов прилюдно принести извинения Наталье Петровне и Николаю Петровичу, как человеку честному и благородному, и, если ни у кого нет возражений, то приступить к самой дуэли.

Любезнейший господин Найденов сказал, что он принимает мои извинения и не сомневается в благородстве моих

ПОМЫСЛОВ.

– А с Наташей я поговорю сам, – сказал Николай Петрович, – и мы будем рады видеть вас у себя.

Чтобы закончить дело, я предложил накрыть поляну, на которой мы должны были стреляться. Соответствующие продукты и приборы мною были уже приготовлены. Я не сомневался в благополучном исходе дуэли, потому что ни при каких условиях я не стал бы стрелять в Николая Петровича, а если бы он убил меня, то припасыгодились бы на тризне за упокой моей души.

Накопившееся нервное напряжение спало, вино показалось таким вкусным, а собравшиеся – такими прекрасными людьми, что мы и не заметили, как пролетело дневное время.

Примерно часов в пять пополудни на главной улице губернского городка показалось вместительное ландо, в котором ехала развеселая компания, в центре которой находились изрядно пьяные господин Найденев и я в расстегнутом мундире, во весь голос распевавший грузинские куплеты из модной оперетки «Котэ и Кэто»:

*Как родился я на свет,
Дал вина мне старьй дед,
И с тех пор всю жизнь мою
Я вино, как воду, пью.*

*Если б я не пил вино,
Я б засох давным-давно,*

*Даже бочка без вина
Рассыхается до дна.*

Мне баском подпевал Николай Петрович, и эта идиллия изумила весь город. Все ждали кровавой драмы, а всё закончилось взаимным примирением. И еще каким.

Ландо остановилось перед стоящей у дома Натальей Петровной, два дуэлянта вывалились из него и встали на колени перед красавицей, еще более прекрасной при свете заходящего солнца. Я поцеловал подол ее платья, как знамя, и сказал:

– Любезная Наталья Петровна, ради Бога, простите меня, я вел себя совершенно возмутительнейшим образом. Ваши стихи так же прекрасны, как Вы сами, и я готов читать их с утра до вечера.

Что-то подобное пытался сказать и Николай Петрович, но у него лучше получалось покачивать головой в такт моим словам.

Чтобы закончить эту сцену, Наталья Петровна простила нас и увела Николая Петровича домой. Я встал с колен, застегнул мундир и уехал в расположение полка, где квартировал.

Глава 5. Роковая любовь

Оживление в губернском городке быстро улеглось, так и не достигнув своего апогея. При встрече с Николаем Петровичем мы любезно раскланивались, но никаких контактов между мной и Натальей Петровной не было. Наоборот, бывшая неприязнь еще более усиливалась. Не проходило и дня, чтобы Наталья Петровна при упоминании моего имени не отпустила какой-нибудь колкости. Естественно, это доходило до моих ушей, но я вообще выслушивал эти сообщения с полным равнодушием, отдавая весь свой досуг службе, так как приближались праздники по случаю годовщины образования полка, тезоименитства Государя Императора и конноспортивные состязания в честь этих дат.

В торжественный день был отслужен молебен во здравие Государя Императора и всей августейшей фамилии. Из собора губернская элита поехала в манеж пограничного полка, расположенный рядом с городом на живописном берегу реки. Для гостей были сооружены трибуны, в армейских палатках в рощице были накрыты праздничные столы.

На своей Тайне я проскакал рядом с экипажем Найденовых, приветственно и без улыбки кивнув головой. Мне показалось, что утихавшая ко мне ненависть Натальи Петровны вспыхнула с новой силой, и она пожалела, что согласилась ехать с Николаем Петровичем на этот праздник. Похоже, что

ее приводил в ярость мой скромный мундир корпуса пограничной стражи, отороченный нежно-зелеными кантами.

Наконец, начались конноспортивные состязания. В соревновании офицеров участвовало десять человек. Для рубки лозы и вольтижировки я переоделся в среднеазиатскую полевую гимнастерку и простую фуражку с зеленым верхом. На фоне темных мундиров я был белым пятном и бросался в глаза темно-красной капелькой ордена Владимира там, где у хороших людей находится сердце.

Лошади проходили через восемь препятствий, затем всадник шашкой должен был срубить шесть круглых шаров. Вроде бы и немного, но к финишу лошадь и всадник подходили сильно уставшими. Несмотря на лето, от потных спин лошадей шел пар, а всадники с раскрасневшимися лицами спешили и проводили в поводу своих лошадей, чтобы дать им отдышаться, а затем передавали коноводам для растирания ног соломенными жгутами.

Объявление распорядителя: «Капитан Севернин, лошадь Тайна» – привели в состояние нервной дрожи меня и мою лошадь. Я несся на своей Тайне прямо на Наталью Петровну, то пригибаясь, то привставая на стремянах, чтобы облегчить лошади полет через препятствие и не сводя с этой женщины взгляда.

Преодолев все препятствия, я выхватил сверкающую на солнце шашку с арабской вязью и с диким воплем понесся срубить «головы» чучелам. Поразив все цели и прохо-

дя на галопе вдоль трибуны, я остановил свою лошадь, поднял ее на дыбы и с шашкой в руках внимательно посмотрел на Наталью Петровну, приводя ее в ужасный трепет только от мысли о том, что этот дикарь может сделать с нею.

Втайне я надеялся, что получу первый приз, но жюри из старших офицеров полка и вице-губернатора постановило, что первое место занял командир первого батальона подполковник Михайлов. Да так оно и было. Все препятствия он прошел аккуратно, не сбив ни одной перекладины, и рубил чучела уставной саблей, а не каким-то афганским трофеем, который уместен только в зоне боевых действий.

После вручения главного приза гости и участники соревнований переместились к палаткам, где их ждали столы, накрытые попечительством офицерского и дворянского собраний.

Звание одного из лучших наездников полка нельзя называть неудачей. Я спокойно пошел к штабной палатке, где лежала моя парадная форма, как вдруг услышал за своей спиной быстрые шаги.

Обернувшись, я увидел стремительно идущую ко мне Наталью Петровну. Она шла, сжав кулаки, ее глаза пылали ненавистью. Подойдя ближе, она размахнулась, чтобы ударить меня, но я перехватил ее руку, притянул к себе, а другой рукой крепко обхватил женщину за талию. Наталья Петровна вся обмякла и закрыла глаза.

Приподняв ее на руках, я пошел к палатке, вальсируя

на посыпанной желтым речным песком дорожке. В палатке я усадил ее на крепкий деревянный стул. Сам сел на другой, возле деревянного шкафа, на котором был разложен мой мундир.

Наталья Петровна посмотрела на мою улыбку и ее глаза быстро наполнились слезами. Они потекли по ее щекам, превращая лицо молодой женщины в лицо ребенка, который плачет от обиды, закрывшись в своей комнате.

Не говоря ни слова, я привлек к себе ее лицо, аккуратно промокнул слезы, и поцеловал сначала в уголки глаз, затем в щеки, подбородок и очень нежно прикоснулся к ее губам.

– Наталья Петровна, Наташа, Наташенька, я люблю Вас, – прошептал я, и мое сердце запело мелодию нежности к этому небесному созданию, чья любовь могла убить или воскресить любого человека, прикоснувшегося к ней.

В этот же день в присутствии офицеров нашего полка я просил у Николая Петровича, как у старшего брата, руки Натальи Петровны.

Глава 6. На пороге тайны

Если меня спросить, что такое счастье, то я твердо отвечу, что счастье – это моя жена Наташенька. Никто не понимал меня так, как она.

Наталья Петровна показала себя прекрасной хозяйкой, устроив мой быт так, что приглашение в наш дом считалось чем-то вроде поощрения или награды.

Все было безоблачно, пока однажды утром я не увидел свою жену в слезах. Мне с большим трудом и с помощью множества поцелуев и ласковых слов удалось выяснить причину ее слез.

Оказывается, что я всю ночь говорил что-то на неизвестном языке, кого-то обнимал, то краснел, то бледнел и все время повторял женское имя Гульнар.

– Кто это такая? Ты ее сильно любил и до сих пор вспоминаешь о ней? – допытывалась Наталья Петровна.

Что ей сказать? В Туркестане великое множество красивейших женщин, расцветающих подобно весенним цветам и увядающим в период быстро приходящей осени.

Связывать свою судьбу с Туркестаном я не собирался и поэтому издали любовался этим цветником, не вторгаясь в его пределы и не срывая прекрасный цветок, который завянет в стакане воды.

Знакомых женщин там не было. За честь поруганной жен-

щины они мстят. Причем мстят очень жестоко. Но ни у кого из ревнителей местных законов не было повода обвинить меня в нарушении обычаев. Все это я без утайки рассказал своей жене.

– Николай, – сказала мне Наташенька, – я с утра пойду к брату посмотреть, как он живет, затем нужно зайти к мадемуазель N, я все-таки не оставляю надежды соединить брата моего Николая Петровича с нею узами законного брака. Хватит ему бобылем жить. Он воспитал меня, не создал семью, и я должна ему помочь. А ты, Николенька, попробуй вспомнить и записать то, что тебе приснилось. Можешь даже написать в стихах, – улыбнулась жена. – Поверь, я ни чуточку не буду ревновать тебя к твоему сну. Может быть, немножко. Мне кажется, что в этом сне кроется какая-то тайна.

Поцеловав меня, Наталья Петровна ушла. Я лежал в постели, благо день был воскресный, и кроме военно-исторического кружка в офицерском собрании в пять часов пополудни не было никаких служебных мероприятий.

Прикрыв глаза, я попытался вспомнить этот сон.

Глава 7. Сон

Дорога никак не кончалась. Вообще-то это не была дорога в прямом понимании этого слова. Просто на песке чисто интуитивно угадывались следы путника, прошедшего много часов (или веков?) назад. Странно, почему ветер не мог засыпать их? Достаточно его легкого дуновения, чтобы послушные ему песчинки, легко перекатываясь, заполнили углубления на песке. Они и заполнили, но не полностью, оставив крохотные ямочки, видимые только тогда, когда пригнешься ближе к песчаной поверхности. След отклонялся от нужного мне направления на северо-восток, но сама мысль о том, что дорога не идет в никуда, придавала мне уверенность в правильности принятого решения идти по следам.

Моя шерстяная одежда спасала меня от жары днем и от холода ночью. Каждый, кто увидел меня, отошел бы в сторону, опознав во мне суфийского дервиша. Остроконечная шапка, халат с сурами из Корана, узловатая с наростами палка, рожок. Никто не знал, что можно ожидать от человека, изучающего поведение человека и его сокровенных намерений для установления высшей искренности перед Аллахом. Вдруг он действительно знает о тайных намерениях и отвратит милости Бога.

Все тайные намерения человека находятся рядом с проти-

воположным полом. Познание Бога возможно только в экстазе, состоянии, близком к божественному. Такое состояние может дать женщина мужчине или мужчина женщине. Быть женатым, значит избрать только один путь познания божественной истины. Даже, взяв себе четырех жен, мы все равно получаем один путь божественного познания. Но у человека множество возможностей своего совершенствования и приближения к Богу через мистическую и естественную любовь. Но как же быть с Кораном? Сура 24 говорит:

«Прелюбодей и прелюбодейку – побивайте каждого из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним в религии Аллаха, если вы веруете в Аллаха и в последний день. И пусть присутствует при их наказании группа верующих. Прелюбодей женится только на прелюбодейке или многобожнице, а прелюбодейка – на ней женится только прелюбодей или многобожник. И запрещено это для верующих».

В этом сокрыта какая-то тайна, запрещающая людям любовь постигать божественное. Сливаться в экстазе с Создателем. Мы знаем все и не знаем ничего. Верно сказал Хайям:

*Не спрашивай меня о том, что так превратно,
О прошлом, будущем... Жизнь – ветра дуновенье.
Считай добычею бегущее мгновенье —
К чему заботиться о том, что невозвратно?*

Я шел третьи сутки по рисованной от руки карте, от колод-

да к колодцу, на встречу с человеком, знавшим секрет волшебного лука, стрелявшего сотней стрел одновременно. Великий визирь Коканда отправил меня на поиски этого секрета, снабдив тремя чистыми изумрудами для оплаты трудов. И, наконец, мне назначена встреча в аравийской пустыне, где нет никого, но сама пустыня напоминает оживленную базарную площадь, на которой слухи разносятся мгновенно, подобно легкому ветерку, то обрастая подробностями, то возвращаясь назад с готовым ответом. Так и мне пришел ответ о возможности завершения моей миссии, и даже было нарисовано то место, где меня будет ждать знающий человек.

Я уже давно должен быть на месте, но никак не мог увидеть условного знака – одинокого пенька пальмы у высохшего колодца.

Два раза я видел миражи в виде полноводных озер. Было трудно преодолеваемое желание бежать к озерам, окунуться в чистую прохладную воду, досыта напиться и лечь у воды в негу идущего с воды ветерка. Но я знал, что в этом районе нет никаких водоемов, и реально осознавал, что мираж он и есть мираж.

Внезапно я почувствовал запах дыма и мяса, жареного на углях. Есть зрительный мираж, но есть и обонятельный мираж у человека голодного. Я попытался отогнать от себя мысли о близком жилье, но запахи не проходили.

С трудом взобравшись на бархан, я увидел палатку, трех привязанных верблюдов и дымящийся костер в стороне. Это

просто невероятно.

Из последних сил я перевалил через бархан и, пошатываясь, пошел к палатке. На подходе к стоянке верблюдов что-то вспыхнуло в моих глазах, и я провалился в темноту.

Глава 8. Сладкий мираж

Очнулся я от прохлады на лице. Я лежал на мягкой кошме, мое лицо закрывало влажное полотенце, рядом булькала вода. Сняв полотенце, я увидел девушку-арабку лет двадцати. Вообще-то, восточные женщины созревают рано, но чувствовалась, что прекрасное создание имело сильные руки, которые не дали мне подняться и подложили в мое изголовье подушки, чтобы я мог полусидеть или полулежать.

– Кто ты? – спросил я.

– Я – Гульнар, а ты кто? – ответила девушка.

– Я – заблудившийся путник пустыни, – попытался пошутить я.

– Твое имя на арабском наречии звучит восхитительно, – улыбнулась Гульнар.

Я никак не мог понять, на каком языке мы разговаривали. Я могу поклясться, что никогда не знал этого языка, но разговаривал на нем так, как будто выпитал его с молоком моей матери. И Гульнар совершенно не опасалась меня, хотя я был чужеземцем, правда, сильно загоревшим и давно не бритым.

– Ты что здесь делаешь? – спросил я.

– Я здесь живу, – просто сказала Гульнар.

– Одна или со своей семьей?

– Одна.

– Но почему одна?

– Я жду свое счастье.

– Прямо здесь?

– Да, прямо здесь.

– Кто тебе сказал, что здесь ты встретишь свое счастье?

– Моя бабушка рассказывала мне, что в день одиннадцатой луны ко мне придет белый человек, знающий наш племенной язык. Это и будет твоё счастье. Жди его. Каждый год в день одиннадцатой луны я приезжаю сюда и жду своё счастье. Вот ты и появился.

Гульнар улыбнулась и погладила меня по лицу.

– А ты знаешь, что такое счастье? – спросила девушка.

– Трудный вопрос ты задала. Никто на свете не знает, что такое счастье. Человек стремится к нему, но, достигнув, видит, что это не совсем то счастье, которое ему нужно и снова ищет его.

– А, по-моему, – сказала Гульнар, – счастье – это когда кого-то сильно любишь. Вот я как увидела тебя, так сразу и полюбила, не раздумывая о том, что будет потом. А ты меня любишь?

Её вопрос поставил меня в тупик. Но только на мгновение. Я же сплю. Мне все это снится. Во сне происходят совершенно невероятные вещи. Завтра я проснусь и, вероятно, к обеду уже забуду о том, что мне снилось.

– Я тебя люблю, – сказал я Гульнар.

– Я так и знала, что ты – моё счастье, – звонко засмеялась девушка.

Легко вскочив, она стала танцевать в палатке, позвякивая серебряными украшениями, то подходя ко мне, то отбегая в дальний угол палатки, показывая, как она меня ждала, и как я шел к ней.

– По нашим законам не надо проводить каких-то сложных обрядов, – сказала Гульнар, – достаточно выйти на улицу и три раза крикнуть, что ты берешь меня в законные жены и мы с тобой уже муж и жена. Давай, иди на улицу и кричи.

Взявшись за руки, мы выбежали из палатки, и я громко три раза крикнул:

– Я, заблудившийся путник пустыни, беру Гульнар в законные жены!

И так же пустынное эхо три раза повторило мои слова. Моя жена стояла рядом со мной улыбающаяся и счастливая.

– Ее бабушка была удивительно умным и проницательным человеком, – подумал я.

Взяв мою руку, Гульнар повела меня к костру.

– Пойдем, посмотрим, что я готовлю на наш свадебный ужин, – сказала она. – Сегодня у нас плов из баранины. В него мы добавим инжир, изюм и миндаль. Я знаю, что мой господин это любит. И для придания сил я приготовлю яхни. Ты сам попробуешь это острое блюдо из мяса. Только мои поцелуи будут способны потушить пожар в твоей крови.

Гульнар весело щебетала, помешивая что-то в небольших казанках, от которых исходил великолепный запах.

– Боже, какой реальный сон, – думал я о Гульнар. – До-

статочно ли она уверена в том, что я – ее счастье. Понравится ли ей в моем доме? Я же не смогу жить с ней в пустыне. Что я буду здесь делать? Я обязательно отдам Гульнар в университет, и она будет учительницей. Войдет в класс, а все дети встанут и будут гордиться тем, что у них такая красивая учительница

Мои думы прервала Гульнар. День клонился к закату.

– Пойдемте к столу, мой господин, – пригласила она и мы, держась за руки, вошли в палатку.

Керосиновый фонарь на столбе освещал маленький ковер, на котором были разложены кушанья. Присев на коврик, Гульнар подала мне лаваш, который я привычными движениями разорвал на маленькие куски и предложил своей жене.

Плов был великолепен. Такого я не ел никогда в жизни. Бараний жир пропитал каждое зернышко риса, золотое от шафрана, а миндаль и инжир придали ему аромат цветущего сада. Мухаммед повелел есть все руками, чтобы не портить вкус еды никакими посторонними предметами.

Вероятно, я бы не оторвался от плова, если бы Гульнар не внесла яхни. Жареное мясо с приправами было настолько вкусным, что просто таяло во рту. И только, когда я стал насыщаться, я почувствовал, насколько были остры специи, с которыми жарилось мясо. Пиала зеленого чая освежила меня, я сложил в молитве руки, возблагодарил Всевышнего за блага, данные нам, и вышел на улицу.

Было уже совсем темно. Яркие звезды светили на небе. В костре еще тлели угольки, а из пустыни повеяло ночной прохладой. Гульнар уткнулась лицом в мою спину и стояла тихо, как бы боясь испугнуть эту тишину и прервать прекрасный сон.

– Пойдемте, мой господин, – прошептала она, – я приготовила нашу постель.

Пока я гасил фонарь, Гульнар успела юркнуть в ложе, состоящее из одеял и круглых подушек, лежавших в дальнем углу палатки.

Только я лег, как гибкое и горячее тело прильнуло ко мне, и мы прыгнули в глубокую пропасть наслаждений. В Индии ее называют нирваной. Мы по многу раз умирали от неистовой страсти и по стольку же раз возрождались от нежности, снизошедшей на нас с небес. Сансара была в нас, она объединила нас, мы были друг в друге, в каждом предмете, окружавшем нас. Я знал, что моя частичка навеки соединилась с телом Гульнар и что я всегда буду в ней.

Я проснулся с первыми лучами солнца. Гульнар лежала на моей руке, нежная улыбка украшала ее лицо. Тихо, чтобы не разбудить ее, я встал и вышел из палатки. День вставал в своей красоте. Поднявшись на пригорок, я увидел тот обрубок пальмы, к которому так стремился.

– За час я успею взять нужные мне материалы и вернуться сюда, пока Гульнар будет спать, – подумал я.

Быстро одевшись, я пошел к старому колодцу. Там я быст-

ро купил чертежи механического лука и повернул назад. Но сколько я ни ходил, я никак не мог найти то место, где стояла палатка Гульнар.

Такого не может быть! Я не мог заблудиться. Палатка стояла именно здесь. Я даже чувствую тепло от палатки. Я начал раскапывать песок, чтобы найти угли от костра, но ничего не находил.

Я переходил от бархана к бархану, чтобы отыскать хоть один след моей прекрасной Гульнар, но безмолвная пустыня не давала мне никаких подсказок.

Как я мог уйти, не разбудив мою жену и ничего не сказав ей о необходимости отлучиться всего лишь на час? Как я мог оставить это нежное создание, которое дано мне в награду Всевышним? Как я мог променять свое счастье на какие-то мирские дела, от которых будет выгода другим людям, а мне достанется тоска по моей любимой жене?

Где ты, моя Гульнар? Отзовись!!!

Только позже я понял, что это была не Гульнар, а Бог, ниспославший мне ангела в образе женщины, чтобы возблагодарить меня за верное ему служение.

Глава 9. Сны кончаются

Мысли о Гульнар совершенно помutilи мой разум. Я забыл об осторожности и не обратил внимания на то, как легко мне достались чертежи секретного оружия. За разглашение любых сведений о нем человека, в лучшем случае, сажали на кол или, в худшем случае, варили заживо в кипящем масле.

Посмотрев на свиток пергамента, я понял, что меня нагло обманули, забрав самый лучший из имеющихся у меня изумрудов.

Машины никакой не было. Не было машины, но сама идея, заложенная в рисунке, была настолько проста, насколько и гениальна. Мое чувство восхищения не поймет тот человек, который меня послал. У него вообще нет чувства юмора, что касается государственных дел, а тем более расходования государственных ценностей. Придется мне сейчас садиться и изобретать то оружие, за секретом которого я и был послан.

Чертеж, который я получил, был всего-навсего рисунком медной трубы, в которую лучниками поочередно выпускались стрелы. Один человек наводил эту трубу на противника и сосредоточивал поток стрел в одном направлении или рассеивал стрелы по фронту. Лучники, стреляя вместе, не прицеливаются в конкретную цель. Наводчик направляет безы-

мянные стрелы по конкретной цели.

Над этим изобретением посмеются мои соплеменники, могу посмеяться и я, стоя на коленях на эшафоте. Будет смеяться и палач над человеком, купившим за изумруд бесполезную бумажку.

Надо придумывать новое оружие. Водя палочкой по песку, я рисовал обыкновенный лук, и вдруг мне подумалось, что лук мог крепиться на конце трубы, а большое зубчатое колесо с изогнутыми зубцами будет натягивать тетиву, срываясь с изогнутого выступа зубца. Помощник главного стрелка будет вкладывать стрелы одну за другой. Да! Именно так. И пусть кто-то докажет, что нет такого оружия, и пусть я отдаю приоритет в изобретении нового оружия за свою голову, но лучше быть живым созерцателем собственного изобретения, чем быть покойным изобретателем.

В старинных рукописях я уже встречал сведения о соединении лука (arcus) и баллисты (ballista). Самое трудное – это механизм натягивания тетивы. В сочинениях венецианца Марко упоминалось о маленьких китайских баллистах, стреляющих стрелами. Эти баллисты были настолько маленькими, что их можно держать в одной руке, а стрелять такими маленькими стрелами, что они полностью скрывались в теле противника, и их нельзя было достать, не разрезав тело.

Я не знал, что мне делать в создавшихся условиях. Вернуться назад ни с чем означало бы то, что род наш пресекся вместе со мной. Я последний рыцарь в роду д'Анси. Мой

отец пал в одном из сражений с английскими рыцарями. Братьев и сестер у меня нет. Моя матушка вышла замуж за соседа, переехав в его имение и став женщиной с другой фамилией. Она присматривает за нашим замком, не имея обо мне никаких сведений.

Меня практически нет. В течение трех лет я не даю о себе вестей. Если кто-то узнает о том, что рыцарь франков в одежде дервиша идет впереди крестовых походов, то все дервиши будут объектами внимания соглядатаев арабских владетелей.

При желании лазутчика выявить достаточно легко. Для этого дервиша нужно помыть и то, что даровано нам Богом, будет свидетельством того, что я не тот, за кого я себя выдаю. Любая восточная женщина в постели поймет, что с ней лежит не ее соплеменник и донесет стражникам. А, может быть, и не донесет, испытав доселе неведомое чувство. Как бы то ни было, но привлекать к себе внимание я не должен.

Что же мне делать? Прийти к своим, чтобы меня казнили? Это будет благородно, но бесполезно, для меня в первую очередь. Вообще не возвращаться к своим, продолжая исполнять задание, которое еще не выполнено? Да, это будет благородно и полезно для меня. Мне кажется, что единственная страна, которая может стать новой родиной – это Россия. Рассказывают, что это дикая страна, но в этой стране живут светлоокие люди, не боящиеся в малом количестве проти-

востоять огромным отрядам кочевников и войскам базиле-
сов. На невольничьих рынках мне приходилось встречаться
с урусами. Нужно купить себе русского раба, дать ему сво-
боду и вместе с ним приехать в Россию, охраняя его по пути.

Я знал, что самый большой невольничий рынок находится
в Крымском ханстве на берегу Черного моря. Но до этого
мне нужно попасть в иранский город Ардебиль. И почему
именно мне, французскому рыцарю, нужно именно в город
Ардебиль? На этот вопрос не было никакого ответа, но я знал
дорогу в Ардебиль и представлял, как выглядит этот город.
Пресвятая Дева Мария, подскажи заблудшему сыну твоему,
почему я должен ехать в Иран?

Глава 10. Ардебиль

На Ближнем Востоке никогда не было транспорта, сообщавшегося между странами. Все люди, кому нужно было куда-то добраться, шли пешком или ехали на лошадях и верблюдах поодиночке или с караванами. В одиночку ездили только отчаянно храбрые люди или те, кто совершенно не представлял, что это такое.

Мне повезло. За умеренную плату я купил себе ишака, который был достаточно сильным, чтобы везти меня, и вместе с караванами в течение двух месяцев я добрался до Ирана.

Глядя на заснеженную вершину горы Арарат, я понял, что нахожусь в районе Армянского нагорья между Талышскими и Курдистанскими горами. Что-то родное почувствовалось мне в этих местах. Вот сейчас откроется озеро Урмия и от него поползет лента дороги на Ардебиль. Отец мне рассказывал сказки о том, что в районе горы Арарат остановился ковчег посланника христианства Исы – Ноя с семьей и разными животными, спасшимися от наводнения.

Я ехал и не понимал, почему я нахожусь в Иране и мне все здесь знакомо? И мое имя Реза Мухаммади. Мой отец был муаллим и преподавал фарси в медресе Ардебиля. Наша семья была не сильно зажиточной, но мы и не бедствовали. Моя мать была самой нежной из матерей, и я рос избалованным ребенком. Я горько плакал, когда мой отец ди-

рижировал линейкой, а я повторял за ним, глядя на крючки с точками, нарисованные на пергаменте: алиф, бэ, пэ, тэ, сэ, даль, заль... Зато я раньше всех научился читать и писать, и моя арабская каллиграфия была известна даже во дворце губернатора Ардебиля.

Закончив обучение в медресе, я был взят писцом в канцелярию губернатора и стал хотя и не важным, но достаточно значительным чиновником. Мне было приятно, когда знакомые и сослуживцы называли меня агаи Реза. Мой отец, и особенно, моя мама были горды тем, как высоко вознесся их сын.

Своему возвышению я был обязан не только своим способностям, но и тому, что начальник канцелярии Рустам-ходжа был другом молодости моего отца. Потом я узнал, что они вместе обсуждали вопрос моей женитьбы, но Рустам-ходжа попросил отца не торопиться с этим делом, потому что мне нужно было укрепиться на службе, а затем уже заводить семью. У него на примете есть достаточно влиятельная семья, где подрастает прелестная девочка, а глава семьи будет рад породниться с distinguished родом Мухаммади.

– Да ниспошлет Аллах благословение на наши с тобой задумки, – сказал начальник канцелярии, – но твоему сыну уготована великая судьба.

На следующий день меня вызвал к себе Рустам-ходжа и сказал, что для моего служебного роста мне нужно выучить

русский язык и что он уже приготовил для меня учителя.

По его знаку в комнату вошел человек огромного роста с русыми волосами, русой бородой и голубыми глазами.

– Знакомьтесь, агаи Реза, это ваш учитель, – сказал Рустам-ходжа. – Его имя Никанор и он русский. Одновременно с вашими основными занятиями вы будете изучать русский язык и традиции Руси, потому что она наш сосед, с которым нужно поддерживать отношения не только мира, но и готовности в любой момент отнять у нее то, что по праву принадлежит Великому Ирану еще со времен императора Дария.

Не так давно прошла русско-персидская война. Мы потерпели поражение и вынуждены подписать договор, по которому мы выплачиваем контрибуцию и отдали многие территории государству Российскому.

Русский язык оказался трудным в грамматике. Хотя таким трудным он кажется только тем, у кого грамматика отличается от большинства применяемых в мире грамматик. Все европейские языки имеют примерно такую же грамматику, как и русский язык. Даже китайский язык не сильно отличается от этих языков. Пугают только иероглифы. А в фарси основа предложения в самом конце. Вначале можно складывать любые слова по теме, но зато в конце предложения ставится глагол в местоименной форме прошедшего, будущего или настоящего времени. Поэтому все персы в начале повествования с интересом кивают головой, а когда дело доходит до глагола, кивают уже осмысленно и говорят –

«балэ» (да), то есть поняли, о чем хотел сказать этот уважаемый человек.

Усердие, привитое моим отцом, помогло мне достаточно хорошо овладеть русским языком, и я был направлен в Тегеран в число служащих по особым поручениям Великого везиря.

Весь Тегеран был наполнен слухами о предстоящей войне с русскими из-за убийства русского посланника Грибоеда. У себя на родине он был знатный и знаменитый человек, а в Тегеран прибыл для требования исполнения подписанного мирного договора.

Европейцы всегда и везде торопятся. Так и посланник Грибоед топал на шаха ногами и кричал:

– Плати немедленно контрибуцию, иначе мы твой Иран пушками разбомбим.

Фетх-Али-Шах, да ниспошлет ему Аллах тысячу лет жизни, смиренно отвечал:

– Фардо.

В переводе это обозначает «завтра». Но ведь контрибуцию нужно было собрать, а это было трудно сделать за несколько дней.

Грибоед топал ногами в палатах шаха и кричал, что он сыт «завтраками» и еще требовал отпустить из гаремов жен знатных людей Армении. Неверный, да простит его Аллах, пытался залезть в постель почтенных мусульман. Ему отдали двух жен из гаремов, и он их стал держать у себя в доме, где

не было женщин, и никто не знает, что он с ними делал.

Мир не без добрых людей. Слухи распространяются очень быстро, и почти весь Тегеран знал о том, как оскорбительно к правоверным ведет себя посланник русского царя.

Самые озлобленные люди с палками и камнями бросились к русскому посольству. Охрана встретила их выстрелами из ружей. Вооруженные люди оказались и в огромной толпе. Все посольские сотрудники и охрана были перебиты. Конечно, это можно было предотвратить, если бы Грибоед стал вести себя так, как это положено в странах Востока. Но, хотя снова были осложнены отношения с русским царем, зато честь Ирана была спасена. Весь мир узнал, что нарушение дипломатического протокола расценивается как преступление в отношении государства и его шаха.

Шах отправил своего гонца Эривань, чтобы главноначальствующий русской армией доложил своему царю о происшествии и о том, что посольство Ирана выехало в Петербург для проведения мирных переговоров по улаживанию конфликта с русским Посланником.

Главой делегации был назначен внук Фетх-Али-Шаха, седьмой сын наследника престола Аббаса-Мирзы шестнадцатилетний принц Хозров-Мирза. В состав делегации с особой миссией был включен и я.

Начальник дипломатического департамента вызвал меня и сказал:

– Реза Мухаммади, Великий шах доверяет тебе особую

миссию и особое доверие, как человеку, знающему русский язык, а также впитавшему вместе с этим языком русское мужество и выносливость. Ты повезешь вот этот драгоценный камень, которым мы хотим заплатить за смерть Грибоеда.

С этими словами начальник департамента достал из золотой шкатулки продолговатый камень желтого цвета, прозрачный с надписями на гранях: «Бурхан-Низам-шах второй. 1000 год», «Сын Дехангир-шаха Джехан-шах. 1051 год» и «Владыка Каджар-Фатх али-шах Султан. 1242 год». Алмаз играл всеми гранями, а надписи только оттеняли его красоту.

— Этот камень нельзя везти ни в шкатулке, ни в руках, потому что только один человек может знать, где находится этот камень — принц Хозров-Мирза. Согласен ли ты, Реза Мухаммади, быть его доверенным лицом для перевозки камня? — спросил начальник департамента.

Как я мог отказаться от предложения, которое делается только раз в жизни и приближает простого смертного к шахскому трону? Мой глубокий до земли поклон говорил о благодарности за сделанное предложение.

Начальник департамента хлопнул в ладони, и подошедший скороход повел меня по покоям шахского дворца. Кто представляет себе современный европейский дворец, тот будет очень разочарован, проходя по анфиладам дворца шаха. Наши строители вкладывали душу в строительство зданий и отдавали дань внешней отделке, используя узоры арабского

письма или расцветку из обожженной и глазурованной глины, заставляя отделку сверкать на солнце как женщину, усыпанную бриллиантами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.